

Михал Шмигель

Русская и украинская эмиграция в Чехословакии (1918–1945)

В 20-х годах XX века в недавно появившейся Чехословакии осуществлялась одна из наиболее крупномасштабных в своем роде гуманитарных программ в истории чехословацкого государства и Европы того времени. Это была помощь тысячам так называемых русских эмигрантов – беженцам, которые в результате изменения политической системы в России – установления тоталитарного большевистского режима и диктатуры пролетариата – были вынуждены покинуть свою страну и искать спасения в демократической Европе того времени. Чехословацкая программа помощи русским эмигрантам основывалась не только на принципах гуманизма, братства, но, в первую очередь, на славянском единстве и принадлежности к центральноевропейскому и восточноевропейскому пространству.

Победа большевиков в Петрограде (переворот 1917 г.) и постепенное сосредоточение власти в стране в их руках в первые же дни встретили мощную внутреннюю оппозицию, которая после создания воинских частей Белой гвардии приступила к военным действиям. На несколько лет страна оказалась в вихре гражданской войны (до 1922 г.). В связи с угрожающей внутриполитической ситуацией в России страну начали покидать сотни тысяч граждан. Так возникла так называемая русская эмиграция «первой волны», которая в годы гражданской войны приобрела огромный размах, а в дальнейшем приняла массовый характер. Причины этого, в основном, были одни и

те же. Это было несогласие с властью большевиков и новым общественным порядком, а также страх насилия в годы гражданской войны, а после нее – страх последующих репрессий. Постоянно растущее число граждан покидало страну в различных направлениях с отступающими армиями интервентов. Пик исхода русских, украинцев и представителей других народов бывшей Российской империи пришелся на осень 1920 года, когда пал последний оплот белогвардейцев – Крымский полуостров. В последующие годы количество эмигрирующих зависело от внутривнутриполитических шагов Советской России, а затем Советского Союза.

Основными европейскими центрами, в которых в 20 – 30-х гг. обосновались русские и украинские эмигранты, были Вена, Варшава, Белград, София, Париж, Берлин и Прага. Считается, что после 1917 года из России эмигрировало 1,5 – 2 млн. человек. К этому количеству необходимо добавить меньшинства, которые еще перед большевистским переворотом обосновались в странах Балтии, Польше, Румынии, Финляндии, а также в Маньчжурии, США, Канаде и Западной Европе. Таким образом, после 1917 г. за пределами Советской России оказалось около 10 млн. русских, не считая представителей других народов бывшей Российской империи¹. По некоторым источникам, в 30-х гг. в европейских странах только украинцев насчитывалось около 600 000 человек. Среди них, кроме открытых и активных врагов большевистской власти, командиров и солдат белой армии, казаков, военных специалистов и служащих русской и украинской администрации (речь идет, в основном, о высокообразованных людях) и широкого спектра членов различных политических партий, находилось и значительное количество ученых, сотрудников университетов, инженеров, врачей, священнослужителей, литераторов, музыкантов и других представителей интеллигенции и культурно-интеллек-

¹ Harbuľová L., *Ruská porevolučná emigrácia v Európe a vo svete. Centrá a činnosť poškôbenej politickej emigrácie z Ruska v rokoch 1918 – 1945*. Prešov: Metodické centrum 1999, s. 9.

туального потенциала. Значительную долю также составляли простые русские люди, в основном, крестьяне.

Осознавая этот факт, советская большевистская власть объявила политическую амнистию для всех эмигрантов России и последующую программу по репатриации. Поскольку эта форма возвращения эмигрантов в целом была безуспешной, большевистское руководство пошло на крайние меры. Декретом от 15 декабря 1921 г. оно лишило гражданства всех эмигрантов – беженцев, а также тех, которые проигнорировали призыв возвратиться на родину, не обратились в советские консульства и не подали заявления о выдаче советского паспорта до 1 июня 1922 г.² В результате этих действий русские эмигранты оказались не только людьми без родины, но фактически лицами вне закона. У них не было действительных документов, а без документов эмигрантам оставалось только уповать на милость отдельных стран мира.

Следует подчеркнуть, что положение эмигрантов из России зависело от их страны пребывания. Однако в целом вопрос о юридическом положении русских эмигрантов не был решен, несмотря на очевидные попытки Лиги наций улучшить положение русской эмиграции введением так называемых паспортов Нансена³ или принятием международного соглашения о правах и защите эмигрантов из России. Можно констатировать, что вопрос о юридическом положении русских эмигрантов юридически и фактически остался нерешенным до 1945 г.

² Černý J., Červenka V., *Státní občanství ČSSR. Ucelený výklad právních předpisů, upravujících československé státní občanství*. Praha: Orbis 1963, s. 129; Harbuřová L., *Ruská povolená emigrácia v Európe a vo svete*, s. 10.

³ Паспорт Нансена – специальный юридический документ, предоставляющий владельцу статус бездомного с правами гражданина страны или привилегированного иностранца (с возможностью жить за границей лицам без гражданства). С октября 1923 г., а в массовом количестве с 1924 г. паспорт выдавался эмигрантам из бывшей царской России и интенсивно использовался, в основном, русской и украинской эмиграцией. Свое название паспорт получил в честь Е. Нансена (1861–1930), занимавшего в то время пост комиссара Лиги наций по делам русских беженцев и являвшегося основателем Женевского комитета международного центра для помощи эмигрантам из России.

Для большинства стран Западной и Центральной Европы, столкнувшихся с экономическими трудностями и социальными последствиями первой мировой войны, беженцы из России были бременем, которое затрудняло решение собственных общественно-политических и экономических вопросов. После обострения проблемы эмиграции правительства европейских государств начали принимать конкретные меры по его решению, как правило, предлагая беженцам два выхода: либо возвращение в Советскую Россию (репатриацию), либо безоговорочное принятие гражданства страны пребывания (что, однако, в эмигрантской среде воспринималось как попытка ассимиляции). Ни первое, ни второе решения не были приемлемыми для беженцев и вызвали среди них бурю негодования.

В этой ситуации Чехословакия предлагала другой подход. Инициатором решения этой проблемы был чехословацкий президент Т. Г. Масарик, который вместе со своим окружением (К. Крамаш, Е. Бенеш) исходил из того, что репатриацию, а также ассимиляцию (денационализацию) большинство эмигрантов не приемлет. Поэтому президент предложил третий путь, который бы защитил эмигрантов от вышеупомянутой депортации или ассимиляции. Коренное отличие положения эмигрантов из бывшей Российской империи в ЧСР по сравнению с положением эмигрантов в других странах состояло в том, что чехословацкое правительство начало целенаправленно регулировать приток эмигрантов для того, чтобы сосредоточить в государстве лучшие культурные силы, которые после ожидаемого скорого падения большевистской власти подготовили бы новую интеллигенцию для будущей демократической России⁴. Именно путь решения вопроса эмиграции в ЧСР в двадцатых-тридцатых годах и главная цель, которую преследовали инициаторы нового подхода к эмигрантам из России, значительно повысили авторитет Чехословакии в глазах всей

⁴ Vidňanský S., *Ukrajinská emigrácia v medzivojnovom Česko-Slovensku*. Historický časopis, roč. 40, 1992, č. 3. Bratislava: HÚ SAV 1992, s. 372; Vidňanský S., *Ukrajina a ukrajinská otázka v politike Česko-Slovenska v rokoch 1918–1948*. Historický časopis, roč. 45, 1997, č. 3. Bratislava: HÚ SAV 1997, s. 429.

Европы и стали для правительств других государств стимулом к пересмотру существующих взглядов на вопрос эмиграции⁵.

В отличие от остальных государств Западной и Центральной Европы, в Чехословакии в сжатые сроки были созданы наиболее благоприятные условия для русской и украинской эмиграции. Правительство ЧСР рассматривало украинскую и русскую эмиграцию как фактор политической и культурной жизни, принимая во внимание традиционные русофильские настроения значительной части чешской и словацкой общественности, а также конкретные экономические интересы⁶. Официальные круги ЧСР пропагандировали свой подход и объясняли причины оказания помощи беженцам из России, которые, согласно их высказываниям, основывались на трех принципах: на идеях гуманизма, славянского единства и благодарности тысячам неизвестных русских героев, сражавшихся и павших в мировой войне за общие цели⁷. Не последнюю роль сыграли политические интересы и мотивация.

На заседании, состоявшемся 28 июня 1921 г., чехословацкое правительство утвердило важный план – проект помощи беженцам из России под названием «Программа помощи русским» (*Ruská pomocná akcia*) (ее реализация началась в сентябре 1921 г.)⁸. В этом плане предусматривалась не только гуманитарная, но и материальная помощь эмигрантам, а также создавалась продуманная система для создания условий, которые бы позволили эмигрантам жить в ЧСР и работать в области науки, техники, экономики, культуры и искусства. Благодаря значительной материальной помощи чехословацкого правительства и моральной поддержке политических и общественных кругов ЧСР, были основаны десятки русских, украинских и белорусских учреждений и организаций,

⁵ Vidňanský S., *Ukrajina a ukrajinská otázka v politike Česko-Slovenska v rokoch 1918–1948*, s. 429.

⁶ Vidňanský S., *Ukrajinská emigrácia v medzivojnovom Česko-Slovensku*, s. 371.

⁷ *Československá pomoc ruské a ukrajinské emigraci*. Praha: Ministerstvo zahraničních věcí 1924, s. 3.

⁸ Harbuřová L., *Ruská porevoluční emigrácia v Európe a vo svete*, s. 20.

которые, по своей сути, носили культурно-просветительский характер, а их задачей было создание духовных и материальных ценностей и удовлетворение духовных и материальных потребностей эмигрантов.

В то время как волны эмиграции из России коснулись многих стран стихийно, в результате целенаправленной политики чехословацкого правительства структура эмиграции в ЧСР была значительно однороднее, чем в других странах. В Чехословакии сосредоточились высококвалифицированные кадры русской, украинской и белорусской интеллигенции, преимущественно люди среднего возраста. В Прагу, Брно, Братиславу и другие города республики шел поток ученых, писателей, журналистов, врачей, инженеров, педагогов и общественных деятелей. Значительную часть эмиграции составляли студенты, однако количество крестьян было также ощутимым⁹. В 1923 г. Т. Г. Масарик подчеркнул, что Чехословакия считает своей обязанностью сосредотачивать, обеспечивать и поддерживать остатки культурных сил эмигрантской среды и подготавливать новую демократическую интеллигенцию для будущей созидательной деятельности после возвращения на родину¹⁰.

В Чехословакии русская и украинская эмиграция сосредоточилась в трех центрах: в Чехии (в основном, в Праге, Остраве, Брно, в их пригородах и других чешских и моравских городах), Словакии (в Братиславе, Кошице, Ладомирове¹¹) и Закарпатье. В начале 20-х годов в ЧСР проживало около 25 000 русских и почти 40 000 украинских, белорусских, армянских, грузинских эмигрантов и представителей других народов России. В целом

⁹ Vidňanský S., *Ukrajinská emigrácia v medzivojnovom Česko-Slovensku*, s. 373.

¹⁰ Vidňanský S., *Ukrajina a ukrajinská otázka v politike Česko-Slovenska v rokoch 1918 – 1948*, s. 429.

¹¹ В восточнословацком селе Ладомирове зародилось общество Православной миссионерской резиденции и была основана церковная типография. См. Harbuľová L., *Ruská porevolučná emigrácia v Európe a vo svete*, s. 32–33.

в период между двумя мировыми войнами украинская эмиграция в ЧСР была наиболее многочисленной¹².

В это время дукраинская эмиграция в ЧСР была неоднородной как в политическом, так и в географическом плане, тем не менее, подавляющее большинство составляла интеллигенция. Ряды украинской эмиграции увеличивались за счет притока эмигрантов из Австрии и Польши, где экономические и политические условия жизни были весьма сложными. В 20 – 30-х годах в Чехословакии, кроме украинских эмигрантских политических организаций и военных объединений, действовали десятки научных учреждений¹³. Все украинские школы, организации и учреждения в ЧСР появились только благодаря поддержке, оказанной в рамках «Программы помощи русским». В Чехословакии были широко представлены студенты, прибывшие из Украины¹⁴. В этой связи можно заметить, что в это время Чехословакия, а особенно Прага, стала наряду с Харьковом, Киевом и Львовом одним из центров украинской культурной, научной и даже общественно-политической жизни. Вплоть до 1945 года Прага была одним из самых активных очагов украинской эми-

¹² Vidňanský S., *Ukrajinská emigrácia v medzivojnovom Česko-Slovensku*, s. 373. В соответствии с этими данными в 1921 г. численность эмигрантов из России, находящихся в ЧСР, оценивалась в 23 000 человек, а в 1926 г. – 17 000 человек, в последующие годы она снижалась, и в 1939 г. в Чехословакии проживало незначительное количество эмигрантов – 8000 человек. Tejchmanová S., *Politická činnosť ruské emigrácie v Československu v letech 1920-1939*. Slovanský prehľad, roč. 77, 1991, č. 4. Praha: NÚ AV ČR 1991, s. 274.

¹³ Наиболее крупные заведения: Украинский свободный университет, Украинская педагогическая академия им. М. Драгоманова, Украинский институт общественных наук в Праге, Украинская сельскохозяйственная академия в Подебрадах, Украинская научная ассоциация, Украинское историко-философское общество, Украинское юридическое общество, Украинское педагогическое общество, Союз украинских врачей, Союз украинских инженеров, Музей освободительной борьбы Украины и т.д. См. *Československá pomoc ruské a ukrajinské emigráci*. Praha: Ministerstvo zahraničních věcí 1924.

¹⁴ Только в 1924 г. в ЧСР учились 6 341 украинских и русских студентов, из них 4 663 студентов высших учебных заведений. В 1928 г. их количество начало уменьшаться, а в 1931 г. насчитывалось только 500 студентов [Harbuľová L., *Ruská povolebná emigrácia v Európe a vo svete*, s. 21–22]. Всего в 20-х годах XX века в ЧСР училось 60% всех русских студентов в изгнании, в Югославии – 20%, во Франции – 8%, в США только 2%.

грации¹⁵. С другой стороны, русскими эмигрантами в Чехословакии были основаны многочисленные научные учреждения¹⁶. Прага была известна как центр русской издательской деятельности и вместе с Берлином и Парижем относилась к наиболее известным издательским центрам русской эмигрантской диаспоры¹⁷.

Кроме разнообразия культурной, научной и общественной жизни эмигрантской среды также наблюдалась активная политическая деятельность, несмотря на то, что одним из условий пребывания эмигрантов в Чехословакии было требование не заниматься политической деятельностью и не создавать политические группировки. Но определенная часть эмигрантского сообщества не смогла отойти от политической деятельности, которая, впрочем, быстро пошла на убыль, в основном, в 30-х годах XX века в связи с победой нацистов в Германии. После прихода А. Гитлера к власти в результате его деятельности, угрожающей Центральной и Восточной Европе, русская эмиграция распалась на два идеологических течения: на приверженцев и противников обороны СССР. Последние даже видели спасение России и вообще славян в объединении с гитлеровской Германией.

В эмигрантских политических движениях, представляющих собой широкий спектр, постоянно происходила внутренняя борьба, разногласия и споры между отдельными партиями, группами и течениями за классовые, сословные, тактические принципы и главенство. Лейтмотивом всех этих споров был

¹⁵ Vidňanský S., *Ukrajinská emigrácia v medzivojnovom Česko-Slovensku*, s. 374.

¹⁶ Русский юридический факультет, Русский педагогический институт им. Я. А. Коменского, Русский институт торговли, Русский народный университет, Русский институт связи, Русская гимназия в Праге, Автомобильная и тракторная школа, а также Русский заграничный архив, Экономический кабинет Прокоповича, Институт по изучению России, Русский научно-исследовательский институт сельскохозяйственных культур, Археологический семинар Кондакова, Архив донских казаков, Русская народная библиотека, Русский культурно-исторический музей, казаческие объединения и т. д. См. *Československá pomoc ruské a ukrajinské emigraci*. Praha: Ministerstvo zahraničních věcí 1924.

¹⁷ В 1920-1940-ых гг. в Праге выпускалось около 100 русскоязычных журналов и 200 газет. Harbuľová L., *Ruská porevolučná emigrácia v Európe a vo svete*, s. 24.

вопрос о будущем России, ради которого ни правое, ни левое крыло эмиграции не было способно создать единый антибольшевистский блок. Первые возлагали свои надежды на конфликт между Западом и Востоком, на военную интервенцию. Последние полагались на внутривнутриполитическую борьбу, на некое восстание внутри России. До конца 20-х годов как одна, так и другая часть эмиграции находились в плену иллюзии о быстром возвращении на родину, но вскоре весьма болезненно осознали безвыходность своей ситуации. Одной из причин такого положения были недостаточные контакты с исторической родиной, о которой хотя и можно было собрать ряд несомненных фактов, но невозможно было составить общую картину о ситуации в России. Здесь лежат истоки следующего типичного заблуждения и представления о том, что власть большевиков в России стоит на пороге краха¹⁸.

В отличие от русской, в украинской эмиграции в Чехословакии в вопросе отношения к СССР было больше единства. Антибольшевистскую и антипольскую ориентацию украинской эмиграции объединяла идея создания независимого украинского государства без какого-либо чужеземного господства, истоки которой лежали в украинской государственности 1918 – 1921 гг. в форме Украинской, а затем Западно-Украинской Народной Республики.

В результате этой позиции и изменений внешнеполитического масштаба на рубеже 20 – 30-х годов XX века в политике чехословацкого правительства в отношении украинской эмиграции произошел определенный переворот. Кроме экономических трудностей 30-х годов, следует указать и другие причины внутривнутриполитического и международного характера, которые повлияли на позицию государственных и политических органов в отношении украинской эмигрантской среды.

Во-первых, следует упомянуть об обострении внутривнутриполитической борьбы в ЧСР во второй половине 20-х и в начале 30-х годов, перегруппировке политических сил в чехословацком

¹⁸ Tejchmanová S., *Politická činnost ruské emigrace v Československu v letech 1920-1939*, s. 286.

парламенте и правительстве, росте влияния чешских народных социалистов, которые традиционно придерживались прорусской ориентации. Во-вторых, в результате обострения международной политической ситуации, наступления фашизма и нацизма и подписания договора о взаимной помощи между ЧСР и СССР, который враждебно относился к украинским сепаратистским настроениям, а также сведений, полученных правительством ЧСР о том, что некоторые представители украинской эмиграции состоят в недавно созданной Организации украинских националистов (ОУН), которая поддерживает политические контакты с представителями нацистской Германии. Поэтому чехословацкие правящие круги были вынуждены занять выжидательную позицию в отношении украинской эмиграции в республике. Кроме того, против поддержки украинской эмиграции со стороны правительства ЧСР остро и однозначно высказались правительства Польши и СССР¹⁹.

Поскольку в Европе после Версальского мирного договора Германия была одной из ревизионистских сил, которая могла развязать войну и таким образом изменить мировой порядок, украинские политические круги того времени (прежде всего ОУН) начали ориентироваться исключительно на это и искать пути сотрудничества с немецкими государственными деятелями. При этом войну Германии против СССР, а также против Польши руководство ОУН считало единственной реальной возможностью для достижения независимости Украины. С другой стороны, немецкие экспансионистские круги в начале 30-х годов XX века уделяли ОУН особое внимание, целенаправленно составляя планы с ее участием, когда речь шла об Украине. После прихода нацистов к власти в Германии эти планы получили реальное воплощение. Таким образом, можно сказать, что в середине 30-х годов у немецких политических лидеров и военных кругов, с одной стороны, и ОУН, с другой стороны, было достаточно оснований

¹⁹ Vidňanský S., *Ukrajinská emigrácia v medzivojnovom Česko-Slovensku*, s. 385.

договориться и даже установить союзнические отношения. Германия использовала сеть ОУН и связанных с ней украинских эмигрантов в своих разведывательных и диверсионных целях²⁰. Не была исключением и Чехословакия – в Чехословакии сеть ОУН была одной из наиболее активных в Европе.

И наконец, в-третьих, одной из главных причин изменения политики правительства ЧСР по отношению к украинской эмиграции было постоянное негативное развитие политико-культурных процессов в Закарпатье, где с конца 20-х годов при активном участии украинских эмигрантов углублялась проукраинская ориентация, что оценивалось в Праге как проявление неповиновения и угроза государственной целостности ЧСР²¹. Поэтому полиция республики постоянно держала украинскую эмиграцию под контролем и принимала жесткие меры против нарушителей порядка²².

Украинские эмигранты чувствовали себя в Закарпатье не гостями, которых приняло чехословацкое правительство, а местным населением. Они активно включились в процесс культурной и просветительской работы среди местных русинов. На протяжении 20–30-х годов украинские эмигранты своеобразным способом культивировали украинские ценности, сопровождая их украинизацией политической и культурной сферы, а также общественной жизни. Именно эта часть

²⁰ Полиция республики постоянно следила за деятельностью этих эмигрантов и соответствующим образом реагировала на проявления неповиновения и антигосударственной деятельности. *Štátny okresný archív (ŠOKA) Rimavská Sobota, fond (f.), Okresný úrad (OÚ) Rimavská Sobota 1923–1939, krabica (k.) 2, číslo (č.) 1245 prezidiálne spisy (prezid.), Obežník prezídia krajinského úradu (PKÚ) v Bratislave, aj č. 228 prezid., Obežník PKÚ v Bratislave, č. 5589/1935*. Из Чехословацкой республики было выдворено пятнадцать украинских эмигрантов.

²¹ Vidňanský S., *Ukrajinská emigrácia v medzivojnovom Česko-Slovensku*, s. 385.

²² В целом в республике были ужесточены антиэмиграционные законы, а также постоянно проводились проверки, контроль и составлялись ежегодные отчеты о положении, проживании и деятельности эмигрантов на местах, особенно в 30-х годах: *Štátny oblastný archív (ŠOBA) Banská Bystrica, f. Okresný úrad (OÚ) v Banskej Bystrici 1923–1945, k. 29, č. 987 – 1259/1927*. Свидетельства русских и украинских граждан.

эмиграции, мечтавшая о независимости Украины (а осуществить это на Украине в то время было невозможно) пыталась создать государство на чужой территории – украинское националистическое государство в изгнании. В этих условиях проукраинско-националистическим элементам удалось постепенно проникнуть в закарпатскую политику и в момент падения 2-й Чехословацкой республики, в ночь с 14 на 15 марта 1939 г., переименовав Закарпатье в Карпатскую Украину, заявить о ее выходе из ЧСР (сразу после чего Закарпатье было оккупировано хортистской Венгрией).

Программа помощи русским была весьма обременительной и требовала значительных финансовых средств. В целом в 1921 – 1937 гг. правительство Чехословакии выделило на эту программу 508 034 511 чехословацких крон. Реализация «Программы помощи русским» становилась для чехословацкого правительства все более непосильным бременем. Раздавались критические голоса, особенно из рядов левых и коммунистических сил, поэтому с 1927 г. в МИДе началась подготовка плана постепенного сворачивания этой программы. Дальнейшее снижение капиталовложений для эмигрантов из России было вызвано обострением политических, экономических и социальных проблем, связанных с экономическим кризисом в начале 30-х годов. Признание Чехословакией СССР в 1934 г. и последующее подписание чехословацко-советского союзнического соглашения 1935 г. официально положило конец «Программе помощи русским»²³. Именно это способствовало снижению уровня эмиграции из России в ЧСР. Часть эмигрантов покинула страну, а остальные взяли курс на получение чехословацкого гражданства и последующую ассимиляцию в чехословацком обществе.

14 марта 1939 г. в силу известных причин Чехословацкая республика прекратила свое существование. Чехия оказалась в

²³ После 1934 г. делами эмигрантов, проживающих на территории ЧСР, занимался Чехословацкий Красный крест. В 1937 г. попечение эмигрантов было возложено на Министерство социальной защиты. Harbuřová Ľ., *Ruská porevoluční emigrácia v Európe a vo svete*, s. 22.

когтях гитлеровского Протектората Чехии и Моравии, Закарпатье было оккупировано хортистской Венгрией, а в Словакии было создано Словацкое государство (с 21 июля 1939 г. Словацкая республика). Русские и украинские эмигранты, которые оказались на территории, оккупированной Германией и Венгрией, и не перешли на сторону нацизма, разделили участь остальной части населения. Но в Словакии их положение было иное.

В 1939 – 1945 гг. Словацкая республика проявляла большой интерес к установлению контактов с эмигрантскими или просто антисоветскими организациями и движениями сопротивления народов Советского Союза. Руководство республики не вело войну против СССР во имя расширения *Lebensraum* (жизненного пространства), но свое участие в ней провозглашало святой войной против еврейского большевизма, целью которой было освободить братский славянский народ. Более того, считалось, что, как только в России установится небольшевицкий режим, с его помощью можно будет положить конец зависимости Словакии от Третьего рейха и вернуть южные земли, оккупированные Венгрией. Словацкое правительство не было способно и, очевидно, в конечном итоге, не хотело бороться с сильно выраженными русофильскими настроениями в Словакии, если они не перерастали в просоветские симпатии. Во время войны в Словакии издавались книги русских (несоветских) авторов, что в Европе, находящейся под властью немцев, не было само собой разумеющимся. Правительство Словакии преподносило это как сотрудничество с «другой», т. е. небольшевицкой Россией, и, например, генералу А. А. Власову словацкая пресса уделяла значительное внимание. Это сотрудничество с русской, а тем более украинской политической альтернативной силой, разумеется, не могло выходить за рамки, определенные немецкими планами, но следует признать, что от всей Европы, находящейся под властью Гитлера (а также Европы, находящейся под властью Сталина), для русских Словакия отличалась тем, что предоставляла наибольшую свободу слова. Поэтому, несмотря

на декларированное сотрудничество с Германией, у казаков, сторонников РОА или КОНРа²⁴ и др. существовала естественная тенденция разворачивать свою деятельность не в Германии, а на «славянской почве» – в Протекторате, Хорватии, Болгарии, Сербии и Словакии. Даже в начале 1945 г. в Братиславе должен был собраться некий Всеславянский конгресс под руководством генерала Власова. Для многих русских и украинских политических течений, организаций и «в меру активных» людей, не говоря уж об интеллигенции, Словакия была «примером небольшого христианско-славянского, хорошо организованного государства, в котором не было коммунистов, колхозов и во главе которого стоял „священник“, сумевший установить относительно удовлетворительные отношения с Третьим рейхом и способный воспользоваться результатами широкой автономии». Многие русские и украинцы буквально восхищались политической системой Словакии того времени. Они считали это признаком того, что славяне не обречены на вечное прозябание и, когда установится «порядок», государство сможет довольно успешно процветать. При этом считалось, что не следует склоняться к пагубному западному образцу – например, к демократии и либерализму²⁵.

Положение русских и украинских эмигрантов было относительно прочным в словацком обществе и словацких государственных службах. Этому способствовало несколько эмигрантских организаций: Русский красный крест, Союз

²⁴ РОА – Российская освободительная армия – неофициальное название, которое использовалось большинством русских воинских подразделений (так называемые «власовцы» – по имени русского генерала А. А. Власова), воюющих на стороне немецкого вермахта против советского большевистского режима с 1943 г. Сам генерал А. Власов пытался их объединить в единую армию с помощью так называемого КОНРа (Комитета освобождения народов России), основанного в ноябре 1944 г. в Праге. Однако это ему не удалось. В целом, по некоторым оценкам, на стороне немцев в различных формированиях воевало более одного миллиона русских и представителей других народов СССР. Иногда в литературе вместо РОА употребляется РОНА (Российская освободительная народная армия).

²⁵ Šmihula D., *Orientácia na ruskú alternatívu. Rusi a Ukrajinci na Slovensku*. Literárny týždenník, roč. 11, 1998, č. 43, s. 13.

галлиполийцев, Союз инженеров, Союз русских врачей и т. п., корни которых уходят в ЧСР в период между двумя мировыми войнами. Тем не менее, следует подчеркнуть, что не все русские и украинцы, находившиеся в Словакии и Протекторате, горели желанием участвовать в борьбе – большинство было обеспокоено собственной судьбой в случае дальнейшего продвижения Красной армии и возможностью дальнейшей эвакуации на Запад при посредничестве КОНРа, у которого в Братиславе находился филиал²⁶.

Более того, в конце 1944 г. словацкое правительство при согласии Германии решило принять на постоянное жительство русских и украинских беженцев, которые в результате мощного наступления советских войск на восточном (советско-германском) фронте прибыли с территории Генерал-губернаторства (в настоящее время Восточной Польши и Западной Украины), особенно из Галиции, и в течение продолжительного времени находились вблизи словацко-польской границы, ожидая разрешения на въезд на территорию республики²⁷. Это разрешение было получено в конце июля – начале августа 1944 г. Словацкое правительство было заинтересовано в приеме беженцев, гражданских лиц, а также тех, кто бы мог участвовать в рабочих процессах словацкой экономики военного времени²⁸. Прием украинских беженцев на пограничных переходах происходил 31 июля – 28 августа 1944 г. Сначала считалось, что в результате этих действий в Словакии разместится почти 50 тыс. украинских, русских и польских беженцев²⁹. По данным того времени, в действитель-

²⁶ Ibidem, s. 13.

²⁷ Vojenský historický archív (VHA) Trnava, f. Ministerstvo národnej obrany (MNO) Slovenskej republiky (SR) 1939-1945 spisy dôverné 1940-1945, č. 474.063/1944, k. 429. List nemeckého generála pri MNO.

²⁸ ŠOKA Zvolen f. OÚ Krupina 1923 – 1945, č. D1- 1157/1944, k. 95, prezid. Obežník Prezídia Ministerstva vnútra SR č. 152 a – 29/7 – 4/1944.

²⁹ VHA Trnava, f. MNO SR 1939–1945 spisy dôverné 1940-1945, č. 474. 646/1944, k. 429. VSU – zriadenie.

ности в Словакию прибыло около 20 тыс. человек³⁰. Их поэтапно распределили почти по всей территории Словацкой республики того времени³¹.

Для украинских, русских и польских беженцев, размещенных в Словакии, ситуация осложнилась после 29 августа 1944 г., когда вспыхнуло Словацкое народное восстание, которое, по сути, положило конец притоку беженцев в Словацкую республику. Для беженцев это означало дальнейшую эвакуацию на Запад (в основном, в Австрию и Германию, а затем в американскую оккупационную зону)³². Тем не менее, в соответствии с имеющимися данными, не все беженцы пожелали покинуть Словакию. Многие из них остались и подали заявления о предоставлении постоянного места жительства в Департамент государственной безопасности, расположенный в Братиславе³³.

Продвижение линии фронта через чехословацкую территорию и присутствие частей советской Красной армии в Чехословакии для русской и украинской эмиграции означало то, чего она больше всего опасалась. В результате сотрудничества советских и чехословацких органов в послевоенные годы получил размах характерный для того времени процесс поиска и депортации эмигрантов, беженцев и других лиц «русского происхождения» – потенциальных советских граждан, которые находились на территории ЧСР в 1918 – 1945 гг.

В этом отношении характерно то, что после освобождения Чехословакии Красной армией все русские и украинские учреждения, культурно-просветительские и научные заведения, организации, которые были созданы усилиями эмигрантов на

³⁰ VHA Trnava, f. MNO SR 1939–1945 spisy dôverné 1940–1945, č. 474.063/1944, k. 429. Prehľad prevzatých ukrajinských utečencov zo dňa 28. 8. 1944.

³¹ О положении украинских и русских беженцев в Словакии в 1944 г. см. Šmigel M., Mičko P., *K problematike takzvaných ukrajinských utečencov na Slovensku v roku 1944.* // Acta Historica Neosoliensia, tomus 6. Banská Bystrica: Kh FHV UMB 2003, s. 115–124.

³² ŠOKA Lučenec, f. Okresný notársky úrad (ONÚ) Divin 1924 – 1944, č. 221/1944, k. 5 prezid.

³³ ŠOBA Banská Bystrica, f. Pohronská župa II 1940–1945 inv., č. 16260/1944, k. 581.

территории ЧСР в период между двумя мировыми войнами, были ликвидированы как «антисоветские» и «буржуазно-националистические». Самых «русских» эмигрантов, которые не успели или не пожелали уйти на Запад, депортировали в СССР, где их судили (или зачастую без суда) и отправляли в Сибирь³⁴.

Известно, что сразу после ухода линии фронта на территории Словакии развернуло свою деятельность специальное элитное подразделение НКВД, так называемый СМЕРШ (Смерть шпионам), второе («оперативное») отделение которого занималось выполнением специального задания – сразу после занятия деревни или города искать и обезвреживать организованных противников советской системы и коммунистической идеологии. Объектом особой охоты СМЕРШа были русские и украинские эмигранты³⁵.

Со второй половины 1945 г. и до конца 1948 г. в Чехословакии осуществлялась крупномасштабная акция по возвращению на родину и последующая массовая репатриация всех лиц, имеющих что-либо общее с бывшей царской Россией или СССР. Поиск, поимка и депортация лиц русской, украинской и других национальностей СССР, находящихся на территории республики, проходили в несколько этапов, что, в конечном итоге, означало полную ликвидацию русской и украинской эмиграции в Чехословакии.

Единичные случаи поиска и депортации потенциальных граждан СССР происходили еще в начале 50-х годов XX века³⁶. Однако из Чехословакии уже было некого депортировать, поскольку ру

сская эмиграция в ЧСР была полностью ликвидирована. Та ее часть, которой все-таки удалось остаться на территории ЧСР, в основном ассимилировалась и не желала афишировать свое происхождение, всячески его скрывая.

³⁴ Vidňanský S., *Ukrajina a ukrajinská otázka v politike Česko-Slovenska v rokoch 1918–1948*, s. 438.

³⁵ Letz R., *Činnos sovietskych orgánov NKVD na Slovensku v rokoch 1944 a 1945 // Slovensko na konci druhej svetovej vojny*. [Ed.:] Bystrický, V., Fano, Š. Bratislava: Slavistický kabinet SAV 1994, s. 107.

³⁶ ŠOKA Bardejov, f. ONV Bardejov, k. 115, č. 22/1952 administratívne spisy (adm.). Rozkaz Krajského národného výboru (KNV) v Prešove č. 28/1952 tajné.